

*К. Е. Нетужилов**

ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ КАК ИНФОРМАЦИОННЫЙ РЕСУРС РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

В статье рассматривается механизм информационно-пропагандистского воздействия на массы неграмотного населения Российской империи XVIII — начала XX веков, которое осуществлялось через структуры Православной церкви. Изменение ценностных ориентиров, происходившее в России в результате реформ Петра I, требовало от государственной власти постоянной информационно-пропагандистской поддержки. В условиях, когда подавляющее большинство населения было неграмотным, единственным эффективным инструментом прямого социального воздействия в масштабах страны в течение XVIII–XIX вв. являлась Православная церковь. На основе сравнительного изучения текстов церковных проповедей и Высочайших манифестов делается вывод о том, что разъяснение тех или иных государственных задач в форме панегирической проповеди, чтение Высочайших манифестов и указов доступным для слушателей языком и с понятной им системой образов с амвона церкви являлось важнейшей составляющей идеологической политики Российской империи. Эта политика оставалась эффективной вплоть до начала XX века. В результате происходивших изменений в ценностных установках общества в начале XX века церковное информационно-пропагандистское воздействие перестало им соответствовать и потеряло прежнюю эффективность.

Ключевые слова: Православная церковь, Российская империя, информационная политика, панегирическая проповедь, Высочайший манифест,

Netuzhilov K. E.

THE ORTHODOX CHURCH AS AN INFORMATION RESOURCE OF THE RUSSIAN EMPIRE

The article discusses the mechanism of information impact on the masses of the illiterate population of the Russian Empire in the XVIII — early XX centuries, carried out through the structure of the Orthodox Church. The change in value orientations that took place in Russia as a result of the reforms of Peter I required constant information and propaganda

* Нетужилов Константин Евгеньевич, доктор филологических наук, профессор Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики; Konstnet@mail.ru

support from the government. In conditions when the vast majority of the population was illiterate, the only effective tool for direct social impact on a countrywide scale during the 18th-19th centuries. was the Orthodox Church. On the basis of a comparative study of the texts of church sermons and the Highest manifestos, it is concluded that the explanation of certain state tasks in the form of a panegyric sermon, the reading of the Highest manifestos and decrees in an accessible language for listeners and with an understandable system of images from the pulpit of the church was the most important component of ideological policy. Russian Empire. This policy remained effective until the beginning of the 20th century. As a result of the changes taking place in the value orientations of society at the beginning of the 20th century, the church's information and propaganda impact ceased to correspond to them and lost its former effectiveness.

Keywords: Orthodox Church, Russian Empire, panegyric sermon, Supreme Manifesto

Превращение Московского государства в Российскую империю стало закономерным итогом всего комплекса преобразований, совершившихся в царствование Петра I. Россия стала частью европейского политического и культурного пространства, что подразумевало принципиальное изменение прежних ценностных ориентиров, провозглашаемых от имени государства. Так как абсолютизм императорской власти противоречил традиционным теократическим установкам, характерным для Московской Руси, Петру I приходилось последовательно проводить в жизнь идею полного подчинения церкви государству, строжайшего разделения светской и духовной власти. Новая система координат предполагала приоритет имперской идеологии над религиозными постулатами. По сути дела, создавался новый культ, в центре которого находилось государство. Величие государства становилось главной целью, а обществу отводилась роль средства для ее достижения. Таким образом начиналось формирование новой российской идентичности, в которой государство (логично воплощаемое в личности императора) получало сакральное значение. В этой системе религиозные ценности неизбежно ставились на службу государству, что усиливало и без того болезненный для общества характер трансформации картины мира. Эта политика требовала не только систематического насилия, но и серьезной информационно-пропагандистской поддержки, для которой был необходим самый разнообразный инструментарий. Причем не только использование этого инструментария, но и само его создание в условиях России являлось составной частью процесса модернизации страны.

В России XVIII–XIX вв. общий уровень грамотности крестьянского населения долго оставался катастрофически низким по сравнению с европейскими странами. Грамотность была локализована среди представителей двух малочисленных сословий: духовенства и дворянства, придавая им на общем социальном фоне определённую элитарность. По подсчетам Б. Н. Миронова, грамотность населения в России к концу XVIII века составляла примерно 4%, а к середине XIX века 13% [4, с. 24]. Это обстоятельство служило препятствием для формирования культуры повседневного потребления светского печатного слова, что в свою очередь тормозило создание ориентированной на социальные низы системы периодических изданий. Таким образом. По сути, единственным инструментом прямого социального воздействия в этой ситуации могла быть только церковная проповедь, теоретически доступная

для устного восприятия максимальному количеству людей. Вследствие этого главным и по настоящему эффективным проводником государственной идеологии чисто технически в это время могла служить только церковь. Разъяснение тех или иных государственных задач с амвона церкви, доступным для слушателей языком и с использованием понятной им системой образов стало важнейшей составляющей идеологической политики Российской империи. При этом сама церковь приобретала дополнительную функцию государственного медийного ресурса, а сакральная тематика начинает применяться с секулярными коннотациями.

Уже начиная с петровского времени на иерархию возлагалась утилитарная государственная задача, обязывавшая наполнить ее речь «чисто гражданским содержанием» [2, с. 215]. Проповедничество (не в собственно церковном, а в прикладном пропагандистском варианте) чрезвычайно поощрялось самим Петром I, который стремился не только юридически оформить важнейшие преобразования, но и добиться их оправдания, объяснить подданным их объективную необходимость. В результате появился специфический жанр так называемых «Слов» торжественного и панегирического характера, прославляющих успехи и оправдывающих действия государственной власти. А. М. Панченко, характеризуя смысл происходивших изменений, констатировал, что в это время «проповедник начинает писать слова по указу и заказу, а сама церковная проповедь переходит в пространство социальное» [8, с. 112]. Начиная с Петра Великого, российские самодержцы старались подкрепить торжественным «Словом» каждое значительное событие, прямо указывая конкретные темы и даты авторам. Принципиальное отличие панегирической проповеди петровского времени от проповеднических опытов предыдущих столетий заключалось в ее близости к общеевропейскому типу словесной культуры. Проповедь перестала быть анонимной, большое значение приобрела индивидуальная личность автора, его кругозор и литературные дарования. В содержательной части такой проповеди отныне доминировал светский характер. В центре внимания теперь находились не отвлеченные ценности духовно-нравственного направления, а конкретные сюжеты внешней и внутренней политики. Проповедь произносилась в торжественной обстановке храма, превращаясь в восприятии слушателей в литургический элемент. Благодаря такому синтезу достигался своего рода кумулятивный эффект восприятия. То или иное событие государственной или придворной жизни, ранее маловажное с точки зрения христианского мироощущения, получало в этой обстановке новое значение.

Панегирическая проповедь обязательно предназначалась для тиражирования. Таким образом существенно расширялась ее аудитория, не ограничиваясь кругом лиц, слушавших ее в момент произнесения автором в церкви. Тексты особо важных проповедей издавались (подчас достаточно массовыми тиражами) и исключительно гражданским шрифтом и рассылались по епархиям с указанием обязательно прочтения в приходских храмах. Таким образом в России впервые создавалось обширное медийное пространство, в котором церковь играла роль основного коммуникатора между властью и населением страны.

Высокая степень ответственности, возлагавшаяся на автора такой проповеди, требовала соответствующей квалификации. Поэтому на протяжении

почти всего XVIII столетия панегирическое проповедничество оставалось делом достаточно узкого круга просвещенных иерархов. Авторство большинства сохранившихся первых панегирических «Слов» принадлежит знаменитым церковным деятелям петровской эпохи — Стефану Яворскому, Феофану Прокоповичу, Феофилакту Лопатинскому и Гавриилу Бужинскому. С другой стороны, сама проповедь таого рода, являясь атрибутом высокой учености, демонстрировала слушателям потенциал автора, возвышала его авторитет в глазах царя и его окружения.

Панегирическая проповедь оказала заметное воздействие на формирование светских жанров. Она стала основой для пришедшей ей на смену торжественной оды, расцвет которой приходится на середину — вторую половину XVIII века. Следы панегирической проповеди хорошо просматриваются в одах Тредиаковского, Кантемира, Сумарокова, Ломоносова и Державина.

Стилистические элементы панегирической проповеди просматриваются в Высочайших манифестах и указах, предназначенных для обнародования, а также в воззваниях Св. Синода издававшихся в связи с различными чрезвычайными обстоятельствами, требующими решительной социальной мобилизации. Известный в 1860–1870 гг. церковный публицист прот. А. И. Розанов по этому поводу констатировал: «В делах, например, государственных первой важности — в делах, где правительство мощную свою силу сознаёт как бы несостоятельною и нуждается в пособии другой силы, — оно обращается к содействию священников» [15, с. 41].

Высочайшие манифесты XIX — начала XX вв. полны примеров, когда их социально-политическое содержание тесно переплетено религиозными коннотациями. Чтение Манифестов народу в торжественной обстановке в сакральном пространстве храма дополнительно воздействовало на сознание слушателей. Таким образом у прихожан формировались религиозно обусловленные стереотипы восприятия всех инициатив верховной власти. Это должно было служить укреплению всей социальной системы страны и формировать единую картину мира.

Ярким примером использования церкви в качестве социально-ориентирующего медийного ресурса, призванного максимально усилить идеологическое воздействие на население страны может послужить период наполеоновских войн. Указом императора Александра I от 6 декабря 1806 г. Св. Синоду прямо предписывалось организовать широкую информационно-пропагандистскую кампанию с разъяснением целей войны и общественной мобилизации. Указ содержал четкую инструкцию: «Мы призываем Святейший Синод предписать всем местам и чинам, ему подвластным, дабы градские и сельские священники в настоящих обстоятельствах, при образовании земского ополчения усугубили ревность свою ко внушению своим прихожанам, колико ополчение сие для спасения Отечества необходимо, что не искание тщетной славы, но безопасность Наших пределов, безопасность Отечества... влагает им в руки оружие» [18, с. 353]. Уже 15 декабря 1806 г. последовало специальное объявление Св. Синода, читаемое во всех храмах империи, в котором Наполеон представлялся в качестве отступившегося от Бога гонителя христианской церкви и «неистовый враг мира и благодатной тишины». Позже по епархиям была разослана для

ежедневного чтения в церквях брошюра «О победе на супостаты христоименитому воинству» [18, с. 355].

Эта практика получила дальнейшее развитие с началом войны 1812 г. Манифест императора Александра I от 6 июля 1812 г. и последовавшее за ним воззвание Св. Синода от 15 июля 1812 г., читавшиеся во всех храмах России в воскресные и праздничные дни перед началом литургии. В воззвании говорилось, что на Россию Бог возложил особую и важную миссию — остановить завоевания Наполеона и освободить народы Европы. Наполеон назывался врагом России и православной церкви, поэтому война против него носит справедливый характер и благословляется Богом. На основе этого воззвания в епархиях были созданы десятки проповедей, обращенных к армии, ополчению и народу. По стране рассылались для прочтения духовенством прихожанам яркие проповеди митрополита Амвросия (Подобедова) и еп. Дмитровского Августина (Виноградского). К епископу Августину император Александр I обратился с просьбой написать особую молитву о победе над врагом. Текст этой молитвы был напечатан в московской синодальной типографии и разослан по всей империи для ежедневного чтения во время литургии. В мемуарной литературе можно найти подтверждения их существенного пропагандистского воодушевляющего эффекта. Например, ростовский городской голова М. И. Маракуев отмечал в своих «Записках», что эти обращения «чрезвычайно были любезны публике, а воззвание Святейшего Синода в особенности отличалось красноречием, силою и истиною» [3, с. 36].

В таком же ключе был составлен и Высочайший манифест императора Александра I от 7 января 1813 г. об окончательном изгнании неприятеля из пределов России. Этот документ считался особенно важным с идеологической точки зрения. Он был фактически включен в литургический год — в течение следующих ста лет (вплоть до 1917 г.) его ежегодно торжественно читали в этот день во всех храмах страны как память о победе в войне.

Всеобщее общественное воодушевление 1812 г. власти неоднократно пытались воспроизвести по другим, часто куда менее значительным поводам. Так, например, после оглашения манифеста Николая I «О войне с Оттоманскою Портою» от 20 октября 1853 г, фактически ознаменовавшим начало Крымской войны, с большой публичной речью выступил один из самых ярких проповедников этого времени архиеп. Херсонский Иннокентий (Борисов). В своей речи он оперировал той же системой образов, что и авторы проповедей 1812 г., придавая начавшейся войне характер религиозного противостояния. Отмечая, что войну объявила Турция, отказавшись выполнить «самые справедливые и необходимые» требования России: даровать «храмам православным и их служителям» в Османской империи ту «свободу и неприкосновенность, которую издавна пользуются в пределах наших все мечети; не передавать из рук в руки, как некие места купли и продажи святыя места иерусалимские, куда ежегодно текут тысячи набожного народа русского», а оставить их «под надзором их естественных хранителей», архиеп. Иннокентий в заключение объявил, что «отныне дело наше или, вернее сказать, дело всего христианства, в руках уже не человеческих, а Божиих» [14, с. 9–11].

В дальнейшем, в ходе Крымской войны, архиеп. Иннокентием (Борисовым) были произнесены десятки торжественных слов и речей, которые публиковались на страницах «Христианского чтения» или в виде отдельных листов, рас-

сылаемых по епархиям для обязательного прочтения пастве. В них объяснялся смысл происходящих событий, внушалось спойствие и преданность властям.

В Манифесте императора Николая I от 14 марта 1848 г. о событиях в Западной Европе отчетливо просматриваются те же характерные стилистические конструкции. «По заветному примеру Православных Наших предков, призвав в помощь Бога Всемогущего, Мы готовы встретить врагов Наших, где бы они ни предстали, и, не щадя Себя, будем, в неразрывном союзе с Святою Нашей Русью, защищать честь имени Русского и неприкосновенность пределов Наших. ...С нами Бог! разумейте языцы и покоряйтесь: яко с нами Бог!» [10, с. 182].

Нетрудно заметить, что стилистика текстов Высочайших манифестов формировалась в результате значительного воздействия проповеднических речевых ресурсов. Прежде всего, это обширная цитация Священного Писания — в виде включения в текст прямых цитатных отрывков, в употреблении библейских крылатых выражений и т. п. Связь между церковной проповедью и текстами Высочайших манифестов прослеживается и в широком применении в последних церковной лексики и фразеологии церковнославянского происхождения. Дополнительно сближает Высочайшие манифесты с проповедью и стремление максимально усилить эмоциональное воздействие на аудиторию.

Практически все серьезные мероприятия государственной власти в XVIII–XIX столетиях обеспечивались информационной поддержкой благодаря широкому привлечению приходского духовенства. Например, во время эпидемии чумы в 1771 г. в специальном указе Екатерины II от 11 октября «Об учреждении Комиссии для предохранения и врачевания от моровой заразительной язвы» содержалось отдельное требование к правящим архиереям Московской, Владимирской, Тверской, Переяславской и некоторых других епархий, затронутых эпидемией. Архиереям вменялось в обязанность «поручить по церквям чтение составленных Синодом молитв, а также манифеста о прилипчивой болезни, а также приложенные от Сената пункты, какие брать осторожности» [9, с. 329].

Уже упоминавшийся выше прот. А. И. Розанов в своих записках подробно описал механизм низового взаимодействия представителей исполнительной власти и церкви для информирования населения о важнейших государственных решениях (в данном случае — объявление Манифеста 19 февраля 1861 г. об отмене крепостного права). В описываемый период А. И. Розанов являлся благочинным округа в Саратовском уезде.

«В марте 1861 г. ко мне приехали из города от уездного исправника с требованием, чтобы я немедленно приезжал к нему в город для объявления по селам высочайшего Манифеста об улучшении быта крестьян, находящихся в помещичьей зависимости. При отношении исправника был приложен и указ консистории, которым предписывалось мне, как благочинному, находиться при священниках в качестве наблюдателя при чтении ими в церквях высочайшего Манифеста. Я тотчас же с этим же чиновником поехал. С исправником мы были коротко знакомы давно. ... В городе мы тотчас принялись с ним вместе читать Положение о крестьянах, так как его не читал и исправник. На другой день, утром рано, мы поехали с ним в первое ближайшее к городу село. Становые пристава, сотские и десятские оповестили уже крестьян всех деревень этого прихода, чтобы они утром рано все были в церкви» [15, с. 43–44].

Приведенный отрывок свидетельствует о вполне сложившейся системе взаимодействия духовенства и полиции, что должно было прочно закреплять в сознании паствы нераздельность церкви и государственного аппарата.

Необходимо отметить, что роль транслятора Манифеста 19 февраля 1861 г. и «Общего положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» стала для духовенства достаточно болезненной. Реакция крестьян на условия их освобождения была неоднородна и непредсказуема. По стране массово фиксировались эпизоды недоверия священникам со стороны народа, обвинения в подлоге, переходившие порой в прямую агрессию. Чаще всего крестьяне обвиняли священников в получении взятки от помещиков ради ложного толкования документов реформы [12, с. 174–175]. Согласно официальным данным Министерства внутренних дел в марте–июне 1861 г. произошло 647 волнений и беспорядков крестьян, часть которых была подавлена при содействии военной силы [16, с. 199–200]. Проблема усугублялась тем, что приходское духовенство было вынуждено не только читать крестьянам тексты документов (каждое воскресенье в течение года), но и объяснять их смысл пункт за пунктом. Результатом стали многочисленные жалобы и обращения в Св. Синод с обвинениями в адрес священнослужителей, искажающих по мнению прихожан истинный смысл «царской грамоты». Немедленно последовало распоряжение Синода, разосланное по всем епархиям, обязывающее благочинных отстранять священников от разъяснений Манифеста при первой же на них жалобе [5, с. 170–173].

В последней четверти XIX в. в связи с распространением в России революционных идей и, прежде всего, после убийства императора Александра II впервые получают широкое распространение проповеди с критикой политического состояния общества. Церковь рассматривалась правительством в качестве важного инструмента противодействия новым социальным и политическим вызовам. При этом обращает на себя внимание ставшее заметным к этому времени отставание транслируемой церковью государственной идеологии от реалий нового времени. Содержание многочисленных проповедей, следовавших за событиями 1 марта 1881 г., свидетельствует, что церковь как и прежде рассматривает российское общество как неизменно патриархальную структуру, в которой революционеры являются чужеродным, привнесенным извне элементом. Например, в проповеди полоцкого епископа Викторина, произнесенной в день похорон убитого террористами императора, указывалось:

«Россия — страна истинно христианская, страна Богу преданная, всегда чтившая помазанников Его, не только кротких, но и грозных, страна царелюбивая, готовая последних сынов своих пожертвовать за жизнь Царей своих... Россия к цареубийству неспособна! Его убили язычники, эти — новые неверы... Христианствующая Россия не может, не должна признать подобных людей за сынов своих. Русский народ, хотя и называют темным, но он народ верующий, сердцем в правду верующий; он с ужасом отвернется от каждой из этих мыслей...» [11, с. 305].

Правительственный курс, олицетворением которого стал обер-прокурор К. П. Победоносцев, направленный на стабилизацию социально-политической

обстановки, выдвинул на первый план задачу консолидации сил, защищавших основы государства, а вместе с тем и традиционные религиозные приоритеты. В связи с этим церковная проповедь оказалась в фокусе правительственного внимания. В декабре 1883 г. В Св. Синоде состоялось обсуждение проповеднической практики, связанной с современной социально-политической проблематикой. Результатом стало определение Синода от 7 декабря 1883 г., в котором подчеркивалось, что когда пастырю «по званию духовного руководителя словесного стада Христова, надлежит нужда поучать по поводу каких-либо общественных событий... он должен касаться их не иначе, как с православно-христианской точки зрения и с единственною целью назидания по слову Божию и церковному преданию... Но пастырь церкви нарушит свой долг, если в проповеди своей выступит судьёй общественных дел и явлений не по разуму Богопреданного учения, хранимого Церковью, а по мудрованию человеческому, по духу своего века ...»[17, с. 444].

Во избежание «нарушения пастырского долга», Синод обязывал приходских священников «представлять свои проповеди на просмотр прежде их произнесения»[17, с. 445]. Соответствующее указание циркулярным порядком было дано всем епархиальным властям.

Объектом проповеднического воздействия к этому времени осталось главным образом крестьянство. К концу XIX века из орбиты традиционного уклада жизни вслед за образованными слоями стремительно уходило население городов, прежде всего рабочие промышленных предприятий, мелкие служащие и т. п. Крестьянская же среда, замкнутая на общинной жизни и не имевшая доступа к образованию по инерции признавала значимость церковного слова просто в силу традиции многих поколений. К тому же семинарская подготовка приходского священника настолько возвышала его над крестьянской аудиторией, что слушатели должны были безоговорочно признавать его авторитет и относиться к нему с абсолютным доверием. Профессор Московской духовной академии прот. В. П. Виноградов в своей вступительной лекции по гомилетике в 1915 г. прямо указывал, что в это время «что понятия «проповедовать» и «говорить для простого народа» стали среди служителей слова тождественными»[1, с. 228].

Церковь продолжала оставаться важнейшим информационным ресурсом Российской империи вплоть до крушения последней. Финальным, но при этом грандиозным по масштабу эпизодом, стала церковная информационно-пропагандистская поддержка во время Первой мировой войны.

20 июля 1914 г. Св. Синод принял определение № 6502 о чтении во всех храмах страны Высочайшего манифеста о начале войны. К нему прилагалось Синодальное послание, в котором содержались распоряжения всему православному духовенству, в которых, в частности, предписывалось «в своих поучениях располагать свою паству к содействию всеми мерами и способами успеху войны и облегчению участи, так или иначе от нея потерявших», а также «призвать всех православных людей... оставить взаимные несогласия, ссоры, распри и обиды, крепкою стеною сплотиться у царского престола»[13, с. 1].

Церковная периодическая печать и устная традиция в храмах сформировали в это время особый жанр «военной» проповеди. «Военная» проповедь

должна была знакомить прихожан с происходящими событиями и разъяснять их смысл; укреплять дух и утешать в минуту личного горя, поддерживая «общее бодрое настроение», а также стимулировать благотворительность. Мировая война принесла первый опыт использования массовых армий, «вооруженных народов». В течение очень короткого времени произошла радикальная смена культурных кодировок. Война, сделавшись массовой, утратила культивировавшийся ранее рыцарской-героический ореол. Важнейшими элементами военно-патриотического воспитания стали дегуманизация врага и прививание ненависти ко всем, не входящим в условную группу «мы». Эта новая этика войны полностью противоречила христианскому мировоззрению. Но при этом церковная проповедь вносила свой заметный вклад в создание «образа врага» в массовом сознании, в развитии у призывников мотивации к участию в войне. Данное обстоятельство плохо стыковалось с христианской ценностной парадигмой. В рамках православной традиции война всегда воспринималась как наказание свыше.

Определенную сложность для приходской пропаганды представляло отсутствие официально сформулированных внятных целей и задач грандиозной войны. В самом начале войны церковь ограничивалась лишь укреплением религиозного компонента монархического мировоззрения прихожан, с другой стороны требовалось доступно объяснить прихожанам причины и цели происходящего. Первоначально на первый план выдвигалась идея защиты сербов — братьев по православной вере. Во всех проповедях подчеркивалось, что Россия ведет справедливую оборонительную борьбу против «обуянного сатанинской гордыней» врага. Примечательно, что многие проповедники широко использовали примеры русской истории и ее героев — Александра Невского, Дмитрия Донского, Минина и Пожарского. В связи с Отечественной войной 1812 г. прихожанам напоминали императора Александра I и Кутузова, говоря о войне 1877–1878 за освобождение Болгарии — Александра II. (Сама собой напрашивается параллель с известной речью И. С. Сталина на параде 7 ноября 1941 г.). Характерно, что вплоть до конца осени 1914 г. доминировало представление о том, что война продлится недолго — победа будет достигнута к Рождеству. Позже, особенно в дни Великого отступления 1915 г. в проповедях зазвучал лейтмотив ниспосланного Богом испытания. Но спустя некоторое время стала очевидной необходимость использовать проповедь как средство собственно военной пропаганды и агитации. При этом, в отличие от войн XVIII–XIX веков, правительство фактически устранилось от формирования ясной и понятной широкими массам идеологической картины. В результате церковь оказалась в ситуации, в которой ее традиционно мощные информационно-пропагандистские возможности использовались абсолютно неэффективно. Можно сказать, что образовался идейный вакуум: государство не могло предложить внятные идеи, которые с позиции церкви нужно было адаптировать к массам малограмотного населения. С другой стороны, церковная информационная политика уже существенно расходилась с реальными ценностными установками общества.

Последние эпизоды использования приходских храмов в качестве средства оповещения населения о важнейших событиях в жизни страны приходятся

на весну-лето 1917 г. Определением Св. Синода № 1207 от 6 марта 1917 г. предписывалось во всех храмах страны прочесть прихожанам акт об отречении Николая II за себя и за сына и о сложении с себя верховной власти, а также акт об отказе великого князя Михаила Александровича от восприятия верховной власти вплоть до установления в Учредительном собрании образа правления в стране. Определением предписывалось

«... объявить во всех православных храмах, в городских — в первый по получении текста сих актов день, а в сельских — в первый воскресный или праздничный день, после Божественной литургии, с совершением молебствия Господу Богу об утешении страстей, с возгласением многолетия богохранимой державе Российской и благоверному Временному Правительству» [6, с. 58].

В этом можно усмотреть определенный символизм момента — последний торжественный акт империи и последнее оглашение документа государственного происхождения с церковного амвона.

Впрочем, со стороны Временного правительства была по крайней мере одна попытка воспользоваться наработанным механизмом в утилитарных целях. В марте-апреле 1917 г. приходское духовенство согласно определению Св. Синода было обязано призывать прихожан к подписке на правительственный «Заем Свободы» [7, с. 70]. Это стало последним зафиксированным нами эпизодом церковно-государственного информационного сотрудничества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В. П. О церковной проповеди накануне революции // Богословский вестник. 1917. Т. 2. № 8–9.
2. Елеонская А. С. Русская ораторская проза в литературном процессе XVII века. М., 1990.
3. Записки Маракуева / Наполеон в России глазами русских. М., 2004.
4. Миронов Б. Н. Развитие грамотности в России и СССР за тысячу лет/Studia Humanistica. 1996. Исследования по истории и филологии. СПб., БЛИЦ, 1996.
5. Мокшина Е. Н. Роль русской православной Церкви в подготовке и проведении крестьянской реформы в 1861 г. // Социально-политические науки. 2011. № 1.
6. Определение Св. Синода № 1207 «Об обнародовании в православных храмах актов 2 марта 1917 г. // Церковные ведомости. 1917. № 9.
7. Определение Св. Синода № 1893 «О содействии со стороны духовного ведомств успешному распространению «Займа Свободы 1917 года» // Церковные Ведомости. 1917. № 15.
8. Панченко А. М. О смене писательского типа в петровскую эпоху // Проблемы литературного развития в России в первой трети XVIII в. Л., 1974.
9. Полное собрание законов Российской Империи. Выпуск первый. СПб., 1830. Т. 19.
10. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. СПб., 1849. Т. 23. 1848 г. Отделение первое. № 22087.
11. Полоцкие епархиальные ведомости. 1881. № 9.
12. Попельницкий А. Как принято было Положение 19 февраля 1861 г. освобожденными крестьянами // Современный мир. СПб., 1911. № 3.

13. Распоряжение Святейшего Синода «О Высочайшем манифесте о войне с Германией» от 20 июля 1914 г. // Церковные Ведомости. 1914. № 30.
14. Речь по прочтении Высочайшего манифеста о войне с Турцией // Сочинения Иннокентия, архиепископа Херсонского и Таврического. Т. 8. СПб.; М., 1874.
15. Розанов А. И. Записки сельского священника. Быт и нужды православного духовенства // Русская старина. 1880. № 1.
16. Толмачев Е. П. Александр II и его время. В 2 кн. Кн. 1. М., 1998.
17. Циркулярные указы Святейшего правительствующего синода 1867–1900 гг. 2-е изд., доп. — Санкт-Петербург: И. Л. Тузов, 1901.
18. Шильдер Н. К. Император Александр I. Его жизнь и царствование. СПб., 1897. Т. II. Приложения.